

ДОСТОЕВСКИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ С. ДОВЛАТОВА

На материале повестей С. Довлатова «Компромисс» и «Заповедник» в статье исследуется проблема рецепции Достоевского в довлатовском творчестве. Рассматривается воздействие на прозу С. Довлатова карнавализации как литературной традиции, идущей от Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: амбивалентная природа смеха, поэтика, карнавализация, мотив двойничества.

Во вступлении к трехтомному собранию сочинений Довлатова А. Арьев упоминает о том, что молодой Довлатов особый интерес проявлял к тем писателям, в произведениях которых находил элементы юмора. Так, он «охотно поддерживал мысль о том, что и Достоевский гениален лишь тем, что порой безумно смешно пишет...» [1]. А. Генис тоже вспоминает: «Довлатов... уверял, что Достоевский – самый смешной автор в нашей литературе» [2, с. 24]. Ему вторит П. Вайль: Довлатов, «обладая редким чутьем на юмор», «у Достоевского любил больше всего смешное и виртуозно находил уморительные места в “Братьях Карамазовых”» [3, с. 305].

Любимым произведением Довлатова, по свидетельству Е. Скульской [4, с. 153], был рассказ Достоевского «Бобок» (1873), который, как вспоминает В. Нечаев, Довлатов «считал лучшим рассказом в мировой литературе» [5]. В нем наиболее ярко проявляется как амбивалентная природа смеха Достоевского, затрагивающего сиюминутное и вечное, обыденное и фантастическое, плотское и духовное и имеющего глубокий и серьезный философский подтекст, так и мастерство Достоевского в создании парадоксальных ситуаций – неожиданных, непривычных, противоречивых по отношению к общепринятому, традиционному взгляду или здравому смыслу.

Рассказ «Бобок», как известно, явился предметом пристального внимания М. Бахтина в монографии «Проблемы поэтики Достоевского». Исследователь тщательно анализирует исключительность положения, воспроизводимого автором: герой-рассказчик, ставший свидетелем разговора мертвецов, которым дарована «последняя жизнь сознания (два – три месяца до полного засыпания)», наблюдает, как «используют» «современные мертвецы» «жизнь вне жизни», ничем не ограниченную, свободную,

* © Доброзракова Г.А., 2011

Доброзракова Галина Александровна (deva_roza@list.ru), кафедра связей с общественностью Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Л. Толстого, 23.

освобожденную «от всех условий, положений, обязанностей и законов обычной жизни» [6, с. 238–239]. Оказывается вместо ожидаемых раскаяния, смирения, заботы о своей душе перед лицом вечности мертвецы тратят подаренные им последние мгновения сознания на брань, скандалы, игру в преферанс, смех, бесстыдные разговоры, что приводит героя в недоумение. Не только «загробная жизнь» в рассказе Достоевского предстает карнавализованной, но и описание кладбища и похорон, как отмечает М. Бахтин, «проникнуто подчеркнутым *фамильярным и профанирующим* отношением к кладбищу, к похоронам, к кладбищенскому духовенству, к покойникам, к самому “смерти таинству”» [6, с. 236].

К основным жанровым особенностям рассказа «Бобок» Бахтин относит необычность образа рассказчика (это человек, «уклонившийся от общей нормы») [6, с. 235]; внутренне диалогизированную, пронизанную полемикой речь рассказчика и особый ее тон — «зыбкий, двусмысленный, с приглушенной амбивалентностью» [6, с. 235]; карнавализацию; описание, полное снижений и приземлений, карнавальными символами и одновременно грубого натурализма и построенное на оксюморонных сочетаниях, карнавальными мезальянсах; наличие анакризы, провоцирующей «мертвецов раскрыться полной, ничем не ограниченной свободой» [6, с. 239].

Довлатов, которого И. Сухих называет «природным филологом», сделавшим «филологию предметом своей литературы» [7, с. 26], вероятно, был знаком с работой Бахтина. И если карнавализация воздействовала на Достоевского «преимущественно как литературно-жанровая традиция, внелитературный источник которой, то есть подлинный карнавал, может быть, даже и не осознавался им со всею отчетливостью» [6, с. 268], то вряд ли можно ошибиться, предположив, что рассказ «Бобок» и, возможно, его бахтинская интерпретация, в свою очередь, оказали влияние на творчество Довлатова.

Так, «Компромисс одиннадцатый» из повести «Компромисс» явно перекликается с рассказом Достоевского. Одним из основных мотивов повествования становится мотив подмены. Журналист Довлатов, выполняя редакционное задание, участвует в похоронах директора телестудии Ильвеса вместо уехавшего в командировку Шаблинского. Довлатову дают для выступления чужую речь, надевают на него чужой пиджак, путают его фамилию — в результате свое «прощальное слово» рассказчик произносит как «товарищ Долматов» [8, с. 386].

Отношение к похоронам и к покойникам определяется, прежде всего, словами рассказчика: «Я ненавижу кладбищенские церемонии. <...> На фоне чьей-то смерти любое движение кажется безнравственным. Я ненавижу похороны за ощущение красивой убедительной скорби. За слезы чужих, посторонних людей. За подавляемое чувство радости: “Умер не ты, а другой”. За тайное беспокойство относительно предстоящей выпивки. За неумеренные комплименты в адрес покойного» [8, с. 367]. А в словах похоронной речи, заготовленной Шаблинским, слышится откровенный цинизм: «Товарищи! Как я завидую Ильвесу! Да, да, не удивляйтесь. Чувство белой зависти охватывает меня. Какая содержательная жизнь! Какие внушительные итоги! Какая завидная слава мечтателя и борца! <...> ...Спи, Хуберт Ильвес! Ты редко высипался. Спи!..» [8, с. 369].

Кроме того, профанация проявляется в подмене покойников во время похорон и в невозможности вовремя исправить ошибку: «Сейчас вы будете хохотать. Это не Ильвес» [8, с. 385]; «Ильвеса под видом Гаспля хоронят сейчас на кладбище Меривяля <...> Ночью поменяют гробы» [8, с. 387]. Автор показывает, как трагическое событие превращается в трагикомическое — окружающим совершенно безразлично, кто умер, таинство ритуала погребения низводится до конвейера, сама церемония превращается в «ответственное мероприятие» [8, с. 386]. Налицо и карнавальное действие увенчания —

развенчания. Похороны Гаспля под видом Ильвеса транслируются в прямом эфире телевидения, а в газете «Советская Эстония» появляется репортаж с кладбища с использованием соответствующих штампов и клише советского времени: «Вся жизнь Хуберта Ильвеса была образцом беззаветного служения делу коммунизма» [8, с. 364], «Под звуки траурного марша... Над свежей могилой звучат торжественные слова прощания... В траурном митинге приняли участие... Память о Хуберте Ильвесе будет вечно жить в наших сердцах» [8, с. 365]. С другой стороны, выясняется, что Ильвес обладал такими нравственными качествами, что от него отвернулись «родные и близкие»: «откровенно говоря, его недолюбливали» [8, с. 386].

Н.А. Орлова отмечает, что в «Компромиссе» Довлатова «знаковость внешней стороны человеческой личности и общественной жизни тесно переплетается с удвоением смехового мира. Возникает хорошо знакомый по мировой литературе мотив двойничества, зеркальности. Формы раздвоения смехового мира очень разнообразны. Появление комических двойников (Довлатов – Шаблинский, Ильвес – бухгалтер Гаспля и т. д.) – одна из них. Это дает автору широкие возможности для различных антитез и сопоставлений» [9, с. 25]. Герои противопоставлены, прежде всего, по занимаемому ими положению в иерархической общественной системе. Шаблинский – журналист, который умел создавать «проблемные материалы» [8, с. 366] для советской прессы, и поэтому у него был приличный черный костюм, а у аполитичного Довлатова даже костюма не было – только джемпер. Ильвеса как «номенклатурного работника» [8, с. 387] хоронят на привилегированном кладбище, в отличие от простого смертного – бухгалтера Гаспля. Мысль о том, что хоронить будут по земным «заслугам», волнует как героя рассказа «Бобок» («Разные разряды. Третий разряд в тридцать рублей: и прилично и не так дорого. Первые два в церкви и под папертью; ну, это кусается») [10, с. 51], так и довлатовских персонажей: «– Прямая трансляция, – сказал Быковер. Затем добавил: – Меня-то лично похоронят как собаку» [8, с. 384].

Тем не менее, несмотря на важный чин покойника, обряд прощания с Ильвесом приобретает «оттенок веселой относительности, становится почти бутафорским» (М. Бахтин) [6, с. 211]; с помощью оксюморонных сочетаний он показан автором амбивалентным: это одновременно похороны и «торжества», участники которых должны «скорбеть и лицемерить» [8, с. 367]. Сравним: герой рассказа «Бобок» «ходил развлекаться, попал на похороны» [10, с. 51], заметил, что на кладбище «много скорбных лиц, много и притворной скорби, а много и откровенной веселости» [10, с. 51].

В описании поведения довлатовского героя во время похорон также прослеживаются параллели с Достоевским. Герой рассказа «Бобок» «закусил и выпил» [10, с. 52] в ресторане за воротами кладбища; герой Довлатова, получив от распорядителя «булькнувший сверток», принял «глоток перед атакой» [8, с. 382] в фургоне, где стоял гроб. В «Компромиссе» герои кладут для закуски бутерброды на крышку гроба, в рассказе Достоевского: «на [кладбищенской] плите... лежал недоеденный бутерброд» [10, с. 52].

Довлатов, неся гроб, обращает внимание на особенную тяжесть этого груза:

«Медленно идти с тяжелым грузом – это пытка. Я устал. Руку сменить невозможно.

Быковер сдавленным голосом вдруг произнес:

–Тяжелый, гад...» [8, с. 384].

У Достоевского: «...участвовал собственноручно в отнесении гроба из церкви к могиле. Отчего это мертвецы в гробу делаются так тяжелы? Говорят, по какой-то инерции, что тело будто бы как-то уже не управляется самим...» [10, с. 52].

Герой Достоевского заглядывает в лица мертвецов и в могилы: «Заглянул в могилки – ужасно: вода, и какая вода! Совершенно зеленая и... ну да уж что! Поминутно могильщик выкачивал черпаком» [10, с. 51]. У Довлатова: «Я шагнул к могиле. Там

стояла вода и белели перерубленные корни.<...> Неизвестный утопал в цветах. Клочок его лица сиротливо затерялся в белой пене орхидей и гладиолусов» [8, с. 386].

К элементам карнавализации, профанирующему и фамильярному (даже галстук Довлатов старается завязать мертвецу «кембриджским лотосом», преимущество которого в том, что «узел легко развязывается», — «Ильвес будет в восторге») [8, с. 380] отношению к смерти в довлатовском повествовании присоединяется двусмысленная речь рассказчика — похоронная речь, доведенная до гротеска. Довлатов, которому «поручено быть желающим» [8, с. 382] выступить, произносит над могилой незнакомого ему покойника совсем не те слова, которые подготовил, и — происходит фантастическое: герой-рассказчик ощущает себя лежащим в гробу. Примечательно, что текст рассказа Достоевского «Бобок» отражается в довлатовском тексте «наизнанку». Если у Достоевского из гробов слышится смех и разговоры о низменном (автор при этом подробно характеризует голоса мертвецов: «брезгливый», «визгливый», «хохочущий», «испуганный», «дерзкий», «сюсюкающий» и т. п.), то у Довлатова «далекий» голос вещает о смятении души, о нетленном и возвышенном.

«Я почувствовал удушливый запах цветов и хвои. Борта неудобного ложа давили мне плечи. Опавшие лепестки щекотали сложенные на груди руки. Над моим изголовьем суетливо перемещался телеоператор. Звучал далекий, окрашенный самолюбованием голос:

“...Я не знал этого человека. Его души, его порывов, стойкости, мужества, разочарований и надежд. Я не верю, что истина далась ему без поисков. Не думаю, что угасающий взгляд открыл мерило суматошной жизни, заметных хитростей, побед без триумфа и капитуляции без горечи. Не думаю, чтобы он понял, куда мы идем и что в нашем судорожном отступлении радостно и ценно. И тем не менее он здесь... по собственному выбору...”

<...>

“... О чем я думаю, стоя у этой могилы? О тайнах человеческой души. О преодолении смерти и душевного горя. О законах бытия, которые родились в глубине тысячелетий и проживут до угасания солнца...” [8, с. 386–387].

По мысли М. Бахтина, исключительная, парадоксальная ситуация в рассказе Достоевского «Бобок» «подчинена чисто идейной функции провоцирования и испытания правды» [6, с. 193]. Герой-повествователь, пораженный «нравственной вонью», дает заключительную оценку: «Разврат в таком месте, разврат последних упований, разврат дряблых и гниющих трупов и — даже не щадя последних мгновений сознания! Им даны, подарены эти мгновения и... А главное, главное, в таком месте! Нет, этого я не могу допустить...» [10, с. 64]. Герой Довлатова после похорон человека, который «разминувшись с именем, казался вещью» [8, с. 386], понимает, что «в открывшемся мире не было перспективы. <...> ...Гармонию выдумали поэты, желая тронуть людские сердца...» [8, с. 387].

Сближает «Компромисс одиннадцатый» с рассказом Достоевского и полемика со своими современниками относительно литературного творчества. Если герой Достоевского — непризнанный писатель — полемизирует с редакторами, не печатающими его произведения, с публикой, не понимающей юмора, то автопсихологический герой Довлатова выступает против «типичного журналиста с его раздвоенностью и цинизмом» [8, с. 370].

Переключка с Достоевским наблюдается и в довлатовской повести «Заповедник». Подобно тому как в «Братьях Карамазовых» «под звуки трактирного органа, под стук бильярдных шаров, под хлопанье откупориваемых пивных бутылок монахи и атеисты решают последние мировые вопросы» [6, с. 266] (речь идет о беседе Ивана и Алеши в трактире «Солнечный город» на торговой площади захолустного городка), в «За-

поведнике» во время пьянки Алиханова с фотографом Марковым обсуждается самый насущный для автопсихологического героя вопрос – о неизбежности его эмиграции. Во фрагменте есть все то, что М. Бахтин обозначает «трусобным натурализмом» и «жизненной грязью». Действие изображается в провинциальном советском ресторане «Витязь»: дверь его «была распахнута и подперта силикатным кирпичом. В прихожей у зеркала красовалась нелепая деревянная фигура – творение отставного майора Гольдштейна. На медной табличке было указано: Гольдштейн Абрам Саулович. И далее в кавычках: “Россиянин”. Фигура россиянина напоминала одновременно Мефистофеля и Бабу Ягу» [11, с. 252]. «Обнажение» правды происходит то под звон мелких монет, которые падали «в блюдечко с отбитым краем» [11, с. 252] на буфетном прилавке, то под кашель и смех «рабочих турбазы, санитаров психбольницы и конюхов леспромхоза» [11, с. 253], то под пронзительные звуки гармошки.

Все в довлатовском повествовании переворачивается «с ног на голову». Автопсихологический герой после отъезда жены и дочери за границу размышляет о том, что впереди у него – «развод, долги, литературный крах» [11, с. 253], но уезжать из страны не хочет. Слова о невозможности жить в Советском Союзе из-за отсутствия творческой свободы произносит не Алиханов, которого не печатают на родине, а его двойник – «российский алкаш»-интеллигент – фотограф Марков, для которого творческая свобода как раз не проблема: «Зарабатываю много... каждая фотка – рубль... За утро – три червонца... К вечеру – сотня... И никакого финансового контроля...» [11, с. 255–256]. Автор указывает на исключительность своего героя: «Длинноволосый, нелепый и тощий, он производил впечатление шизофреника-симулянта... Он мог бы сойти за душевнобольного, если бы не торжествующая улыбка и не выражение привычного каждодневного шутовства. Какая-то хитроватая сметливая наглость звучала в его безумных монологах... Молодец высказывался резко, отрывисто, с болезненным пафосом и каким-то драматическим напором... Он был пьян, но и в этом чувствовалась какая-то хитрость...» [11, с. 254–255].

Марков не знает никаких преград в претворении своих желаний, тем не менее мечтает о другой жизни, потому что жизнь, которую он ведет, не устраивает его: «Что остается делать?... Пить... Возникает курская магнитная аномалия. День работаешь, неделю пьешь... Другим водяра – праздник. А для меня – суровые будни...» [11, с. 256]. Без какой-либо сложной и развернутой аргументации (в качестве аргументов выступают слова: «Ненавижу... Ненавижу это псковское жлобье!..» [11, с. 256] и «Свободы желаю! Желаю абстракционизма с додекакофонией!..» [11, с. 256]). Марков выдвигает идею о своей эмиграции: «Раньше я думал в Турцию на байдарке податься. Даже атлас купил. Но ведь, потопят, гады... Теперь я больше на евреев рассчитываю...» [11, с. 257]. Необузданная мечтательность, граничащая с маниакальными состояниями, по мысли М. Бахтина, так же, как сновидения и безумие, разрушает «эпическую и трагическую целостность человека и его судьбы: в нем раскрываются возможности иного человека и иной жизни, он утрачивает свою завершенность и однозначность, он перестает совпадать с самим собой» [6, с. 197].

Для сцены в ресторане «Витязь» характерны злободневность, публицистичность: в довлатовском тексте кроются многочисленные аллюзии на общественно-политическую жизнь Советского Союза и различные события эпохи. Речь Маркова, свидетельствующая о сложном, неоднозначном отношении героя к своей стране, состояла из «тошнотворной смеси» «газетных шапок, лозунгов, неведомых цитат» [11, с. 254].

Эта сцена, с одной стороны, подготавливает финал повести – решение Алиханова эмигрировать из СССР, с другой стороны, приобретает философское значение, свидетельствуя об относительности такого понятия, как свобода творческой личности.

Анализ произведений Довлатова, на которые творчество Достоевского оказало непосредственное влияние, дает возможность, прежде всего, расширить представление о природе довлатовского смеха. Исследователи относят произведения Довлатова к философско-юмористической прозе, создатель которой, осознавая несовершенство мира, вовсе не отвергает его, поскольку главной антитезой эмоционально-оценочному отрицающему пафосу сатиры является юмористическое приятие мира и человека [12, с. 109]. Однако карнавальный смех, который был присущ Довлатову, шедшему от традиции Гоголя и Достоевского, принципиально иного свойства: по мысли М. Бахтина, такой смех в первую очередь «направлен на высшее – на смену властей и правд, смену миропорядков» [6, с. 215].

Библиографический список

1. Арьев А. Наша маленькая жизнь. URL: <http://www.sergeidovlatov.com> > books/archew.html (дата обращения: 20.03.2011).
2. Генис А. Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 2004. 288 с.
3. Вайль П. Без Довлатова // Довлатов С. Последняя книга. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 303–311.
4. Скульская Е. Перекрестная рифма. Письма Сергея Довлатова // Звезда. 1994. № 3. С. 144–153.
5. Нечаев В. Довлатов и литературная ситуация в Питере конца 60-х и в 70-е годы // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба. СПб.: «Звезда», 1999. URL: <http://www.sergeidovlatov.com> > books/nechaev.html (дата обращения: 21.03.2011).
6. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 471 с.
7. Сухих И. Сергей Довлатов: проза по краям // Довлатов С. Уроки чтения. Филологическая проза. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 5–34.
8. Довлатов С. Компромисс // Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Азбука-классика, 2004. Т. 1. С. 227–395.
9. Орлова Н.А. Поэтика комического в прозе С. Довлатова: семиотические механизмы и фольклорная парадигма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010. 27 с.
10. Достоевский Ф.М. Бобок // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1994. Т. 12. С. 49–64.
11. Довлатов С. Заповедник // Довлатов С. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Азбука-классика, 2004. Т. 2. С.169-276.
12. Вашукова М. Особенности восприятия и анализа философско-юмористической прозы 60–90-х гг. XX века в 11 классе. (На примере произведений С. Довлатова и Ф. Искандера): дис. ... канд. пед. наук. М.: Моск. гос. пед. ун-т, 2005. 228 с.

DOSTOEVSKY IN THE DOVLATOV ARTISTIC AWARENESS

The author of this article analyzes the Dostoevsky reception problem in the works by Dovlatov on the material from tales by Dovlatov «Kompromiss» («Compromise») and «Zapovednik» («Nature reserve»). The carnivalization influence on the prose by Dovlatov is considered as a literary tradition started by F.M. Dostoevsky.

Key words: laugh ambivalent nature, poetics, carnivalization, twin's motif.

* *Dobrozrakova Galina Alexandrovna* (deva_roza@list.ru), the Dept. of Public Relations, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, 443010, Russian Federation.